

БЕРЕЖЕНОГО БОГ БЕРЕЖЕТ...

Береженого Бог бережет.
Но бывает, что не бережет:
передумает – режет и жжет,
или бьет в темноте кулаком.
Вынуждает ходить босиком
и отчаянно денег просить.
А соседа, что с детства знаком,
заставляет идти доносить...

Замороженный дом по утрам
покидает тепло батарей.
Оставляет насиженный храм
отлучаемый протоиерей,
призывает крылатых послов,
но они никого не спасут.
Признается один богослов,
что и вера сегодня – абсурд.

Это Бог сочиняет зачин,
может, даже готовит чуму.
Береженный не знает, зачем,
а больной не поймет, почему.
И восходят на небо с трудом
(это мягко еще говоря)
Возлюбившие этот дурдом –
вопреки, вопрекор, несмотря.

И СКУЧНО, И ГРУСТНО

И скучно, и грустно, и некому руку подать –
то наци, то фрики, то готы.
И страшно, и пусто, и некому почку продать
в голодные годы.
Любить, но кого же? От прошлого нет и следа.
И всякое чувство ничтожно.
И радости больше гораздо приносит еда,
хоть есть уже тошно.
За нежное трогать красивых друзей и подруг
противно и жутко...
Смешно, а посмотришь с холодным вниманьем вокруг –
так это не шутка.

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

(СТРАШНАЯ БАЛЛАДА)

В болезни тяжелой и душной,
я вижу во тьме городской,
как шарик взлетает воздушный,
отпущенный детской рукой,

за ним, пародийным уродом,
из темного ужаса родом,
пузырь выплывает свиной –
наполненный не кислородом,
а комплексной нашей виной.

Взлетает над спальным кварталом,
не гелием полон внутри,
а речью – горячим металлом –
с ночными звонками в ноль три.

Летит над березовой Русью,
где грустно поют соловьи,
и весь раздувается грустью,
неверием в силы свои.

С вопросом «Зачем мне родиться?»
минует Кидекшу и Плёс,
и плещется в нем не водица –
а озерце крови и слез.

Летит траекторией длинной,
смородиной над и малиной,
над всей огородной долиной,
подсвеченный солнца лучом,
летит вдоль дороги старинной,
над русской землей былинной –
туда, где веселые дети
играют с футбольным мячом.

И вниз опускается плавно
в финале большого пути,
и в рамках коварного плана
нельзя уже мимо пройти –
в игру интересную влиться
зовет на зеленом лугу,
меняются детские лица,
а как – я понять не могу...

Додумать бы им по сюжету
свинные глаза, пятаки,
убийцу и новую жертву,
топор или руки-крюки...

САДОВЫЙ ГНОМ

Он был игрушечный, громоздкий, как рояль,
резиновый и безбородый.

Он не был ни стозевен, ни лаяй,
не выделялся краской и породой.

И братцы сводные, чье имя – баловство,
миниатюрные фарфоровые гномы,
определяли странное родство
как шок и отклонение от нормы.

Виною были разные отцы.

O, made in Россия and Европа...

Убийственные зрели огурцы,
и в зарослях зловещего укропа
стоял он – в подмосковной тишине,
в камзоле, от рассвета до заката –
он, купленный на память обо мне,
с бесплатною доставкой из-за МКАДа.

Я сам, такой же лишний и большой,
в камзольчике и в шапочке с тесьмой,
стоял бы и охотно, и с душой,
между тобой – и тьмою.

Но между мной – и близкими людьми
теперь уже лежит такая бездна,
что даже гномом, пес меня возьми,
на даче появляться бесполезно.

Там родственников кучные ряды
ежевечерне сходятся в беседке,
там облачные тучные гряды
оперились, как белые наседки.
Высоковольтных линий передач
натянуты опасные качели,
и призраки под кровлей этих дач
живут себе, еще не улетели.

Вся эта космогония проста,
на кухне уже точатся ножи и
отрезаны знакомые места –
и мы теперь чужие.

К тебе приплыл жених с материка,
остался, обустроился, обжился.
А я стою – печаль моя крепка.
И краски слой сурово обнажился.

РИСУЯ МАЛЕНЬКОГО КРЕСТОНОСЦА

Ручка, ножка, огуречик.
Плащик, крестик, щитик, мечик.
Здравствуй, гордый человек,
ты ведешь неравный бой.

Ты измучен, изувечен.
Но ведь скоро будешь вечен.
Жди, когда наступит вечер,
а пока что Бог с тобой.